

Слова - ангарские жемчужины

стали музейными экспонатами

Время идет, и возникают новые формы общения. Особенно это стало заметно с появлением компьютеров, мобильных телефонов.

СМС-сообщения далеки от литературного языка и, увы, беднеет наша речь. Уходят из нее слова, бывшие еще несколько десятков лет назад в повседневном обиходе.

Я ностальгически вспоминаю прелесть их звучания. Уже в прошлом и характерный говор ангарских старожилов.

В конце 60-х годов в Красноярске, будучи студентом, я присел на скамеечку к старику лет 80-ти, из соседнего подъезда. Несмотря на свой возраст, он был высок ростом и крепок телосложением. Разговорились. К нашему общему удивлению, мы оказались земляками – из Мотыгинского района.

В свое время он проживал в Денисово, сгоревшей впоследствии деревне. Звали его Романов Александр Алексеевич. Много интересного рассказал он о прежней жизни, и как я жалею, что не записывал за ним.

Разговаривая вполне по-современному, мой собеседник произнес фразу, по его выражению, «по-чалдонски». Пойдя с товарищами заготавливать кедровый орех, он увидел свежий медвежий след, и, чтобы предупредить «свяшников», крикнул им: **«Гли-ка-те, гли-ка-те, туто-ка шишкарь ходи!»**.

«У» в конце последнего слова – это не опечатка, ангарцы так и говорили, буква «л» в окончании больше звучала как «у».

Часто можно было слышать, например, такую фразу: **«Ты, паря, вчерась-ту грибы у поскотины набрау или дале где?»**.

Связчиком (звучало «свяшником») называли товарища, с которым шли вместе на охоту, ехали на рыбалку, занимались каким-либо промыслом. Молодежь сейчас, наверняка, не знает, что такое **«поскоти-на»** – это забор, которым огораживали поля

или деревню, чтобы сохранить посевы от потравы скотом (вот написал **«от потра-вы»** и подумал, что надо объяснить, это означает – от поедания).

Кстати, по народной этимологии, чалдонами называли выходцев с Чала и Дона. Но, по утверждению Енисейского энциклопедического словаря, это не соответствует действительности, так как чалдоны в массе – выходцы с севера европейской России.

Я помню то время, когда в деревнях некоторые хозяйственные постройки, а то и старые дома были крыты дранкой. **Дранка** – это доски, только не пиленые, а «драные» (колотые) из бревна с помощью специального инструмента, внешне похожего на крепкую косу.

У многих домов, да и учреждений была сделана **коновязь**. Около учреждений это два вкопанных столбика с перекладиной, около домов – прибитое к столбу ворот кольцо. Ведь если лошадь (а она была основным транспортом) привязать, например, к забору, то в ожидании своего хозяина она его испортит – погрызет. Еще даже в 70-х годах, когда я начал работать в подсобном хозяйстве «Решающий» инженером по сельхозмашинам, за мной для развозов был закреплен конь по кличке Орлик, имевший горячий нрав, и о котором у меня остались самые теплые воспоминания.

Сейчас сено убирают с полей, применяя все чаще различные прессы, и рулоны хорошо укладываются в кузов, но иногда можно видеть на машине (раньше на конных санях или телеге) воз, и тут уже не обойтись без бастрика.

Бастрик – это ствол дерева, чаще всего березы, которым сверху, с помощью веревок, прижимают сено, иначе воз просто развалится. Мальчишкой я помню, как по Партизанской улице зимой шли в сторону совхоза длинные обозы с сеном, лошади и возчики – в куржаках инея.

Когда весной днем начинало пригревать

солнышко, появлялась такая проблема, как **пробстуть**. Дело в том, что конные дороги зимой не чистились, просто натапывались, и днем, с наступлением тепла, они становились мягкими, и лошадь начинала глубоко проваливаться. Съездить по делам можно было только утром по приморозке.

Во время случавшихся затяжных летних дождей-сеногоев можно было услышать, как кто-нибудь вздохнет и с сожалением скажет: **«Морошно»**.

На реке сейчас не встретишь неторопливых деревянных лодок местной постройки. По воде с ревом проносятся дюраль и пластик различной конфигурации. В ангарских деревнях делали **шйттики** – лодки, «сшитые» из еловых досок, **долбленки** – выдолбленные из цельного ствола осины, который затем «разворачивался» над костром. Сделать это мог сделать только хороший мастер. Были и маленькие деревянные лодочки, сделанные одним из этих способов – **стружки** на одного или двух человек, гребли с помощью двухлопастного весла.

Охотники брали с собой в тайгу только проверенных собак, а от которых толку в лесу не было, избавлялись, говорили: «У них **тяму** нет».

Охотничьи участки назывались **ухожьями**.

Широкие деревянные лыжи – **голицами**. Подбивались лыжи **камасом** – шкурами с ног лося, оленя или коня. Для бесшумного скрадывания зверя по насту на лыжи надевали чехлы, сшитые из мягкого меха, например, собачьего. Назывались они **манокшами**. Сейчас весенняя охота по насту запрещена.

Как-то, будучи в Красноярске, я зашел в спортивный магазин, чтобы купить к своим лыжам **юксы**. Спросил у девушки-продавщицы, вызвав у нее полное недоумение, что это такое. Наконец, после объяснений, она продала мне их. Вы ни за что не догадаетесь, как сейчас называются юксы. «Ремень носковий» – прочитал я этикетке. И кому не понравилось прежнее название, которым пользовались, наверное, сотни лет?

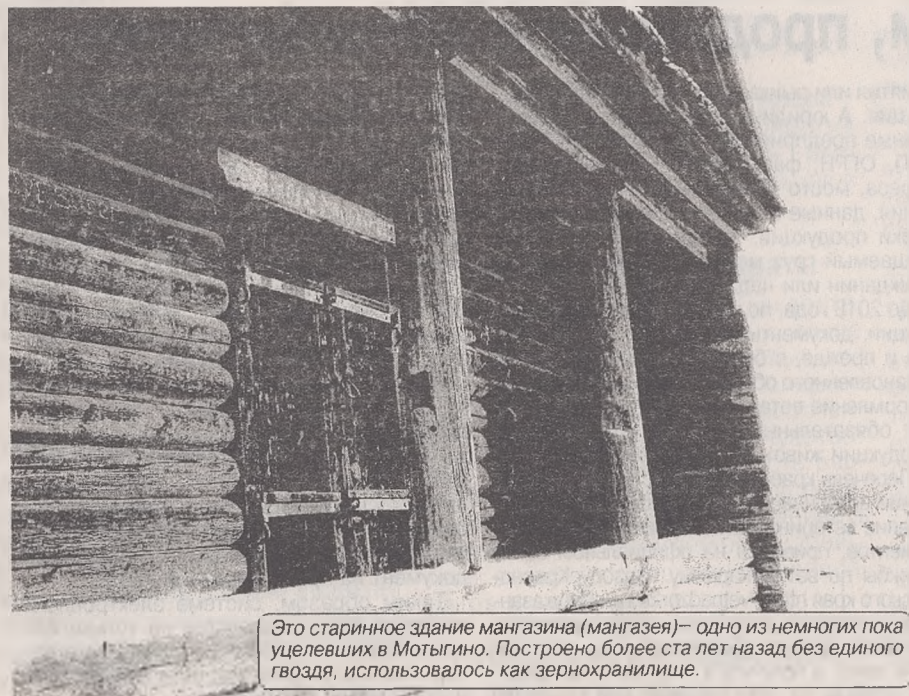
Уходят в небытие и названия самых прозаичных вещей. Однажды, собираясь в лес, я стал надевать сапоги с портянками. «Деда, а ты зачем на ноги тряпки наматываешь?» – спросил меня мой городской 15-летний внучок.

В этой статье я упомянул только несколько слов, бывших в употреблении совсем недавно.

В нашей районной библиотеке есть словарь Г.В. Афанасьевой-Медведевой, называется он «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири». Есть в нем слова, выражения и даже фотографии старожилов Нижнего Приангарья, в том числе из нашего района. Меня поражает огромный труд создателей 20-томного словаря. К сожалению, в библиотеке имеются только три тома.

Многие слова, как вещи и как люди, уходят из жизни, появляются новые, в большей части нам, старшему поколению, непонятные. И когда вдруг услышишь или прочитаешь полузабытое старое слово, на душе становится теплее.

Виктор АНОНЕН

Это старинное здание мангазина (мангазья) – одно из немногих пока уцелевших в Мотыгино. Построено более ста лет назад без единого гвоздя, использовалось как зернохранилище.